

ГОСТЬ «МОСКОВСКОЙ ПРАВДЫ»

Эммануил ВИТОРГАН:

Главное — не завидовать

— Эммануил Гедионович, раньше, говоря об искусстве, мы в основном вели речь о «высоких материях», а теперь — о материальном, о деньгах. Искусство не может обойтись без спонсоров, без меценатов. А, как известно, кто платит — тот и заказывает музыку. Как вы себя чувствуете в данной ситуации?

— Я стал понимать, что за профессию, оказывается, платят. И рад этому. Хотя, конечно, как и в любом деле, и здесь есть свои издержки. Производством кино стали заниматься люди, которые не имеют к этому никакого отношения. Например, некая дама, директор СП, чтобы муж не слонялся без дела, решает дать ему деньги на съемку фильма. И он начинает набирать «команду». При этом актерам предлагаются немислимые по прежним временам суммы. Здесь уже тебе самому решать — принимать предложение или нет.

Но главное — теперь все зависит от твоих мозгов. Это раньше было: то можно снимать, это нельзя, то можно читать, а это запретить. Теперь этого нет. И ты сам решаешь, где играть, где сниматься.

— И от чего же зависит ваш выбор?

— В первую очередь от того, кто снимает, а во-вторых — что. И, конечно, очень важны партнеры. Чем ярче выписанная жизнь, чем ярче человек рядом — тем интереснее вкалывать.

Однако, признаюсь, иногда идешь и на компромиссы. К примеру, режиссер, у которого ты снимался, с которым находишься в дружеских отношениях, присылает сценарий, совершенно отвратительный, и ты это понимаешь. Однако не можешь отказать человеку, с которым провел прекрасный год, когда снимали предыдущий фильм. Так что, если некоторые зрители ходят в кино «на артиста», я не рекомендовал бы им смотреть все фильмы, где я снимался.

— Вы — артист театра и кино. В финансовом отношении, думаю, киноартистам сейчас легче. А если говорить о «стандеме» профессий в общем пла-

не, что для вас предпочтительнее?

— Возможно, вы заметили, что многие «чистые киношники», выпускники ВГИКа, не снимаются. Чаще в фильмах играют актеры, работающие в театре. Потому что мы постоянно в форме. Поэтому у киноактеров так много изломанных судеб, чему можно искренне посочувствовать.

Лично я, несмотря на то что много снимаюсь, из театра никогда бы не ушел. Ничто не может заменить непосредственного общения со зрителем. В кино — камера либо партнер. Прекрасно, если повезет и партнер хороший. А если нет? Возможно, и я для кого-то не идеальный партнер. Но очень хочется им быть.

В кино от тебя ничего не зависит. Там — режиссер, оператор, монтаж. Иногда, увидев готовую картину, даже не узнаешь сюжет фильма, в котором снимался. Практика показывает, что кинофильм может снять и в нем сниматься человек, который ничего не понимает. А в театре — фиг. Попробуй обмануть, когда выходишь на сцену на 3 часа.

— В последнее время наши актеры, и вы в том числе, часто выезжают за рубеж на гастроли, на съемки, участвуют в международных театральных постановках. Между тем существуют такие понятия, как русская театральная школа, национальный колорит и так далее. Как вы считаете, профессия актера интернациональна или успех зависит от национальных особенностей?

— Меня, мягко говоря, смущает, когда говорят о театральной школе в таком плане: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». А там — другой дух, другим пахнет. Конечно, профессия актера интернациональна. В Америке, слава Богу, не фиксируется в документах национальность. Гражданин США — и все. Они отдают себя делу и не тратят время на выяснения национальных отношений.

Какой бы театр к нам ни приехал, где бы мы ни гастролиро-

вали, мы понимаем друг друга, несмотря на разность языков. Что значит театральная школа? Мне кажется, таковых сейчас нет. Ушли великие мастера, учителя. Осталось какое-то эхо: наш театр — лучший в городе, наш ансамбль — лучший в области. Но зачем опускаться до таких «местечковых» понятий? Надо оценивать по мировому уровню.

— В литературе существует довольно четкое разделение писателей на поколения «шестидесятники», «семидесятники». Вы, как актер, можете ли отнести себя к какому-то конкретному поколению?

— Могу сказать, что отношусь к позднему «шестидесятникам». То есть по возрасту я несколько моложе, но еще застал это время — бардов, поэтов, стилия, и та атмосфера была по мне. Сейчас немало нападков на «шестидесятников» — мол, не боролись, уводили от действительности в «голубую романтику». Да, уводили, ибо невозможно было сидеть в дерьме не то что по горло, но по самые ноздри. Подумайте, сколько людей они спасли от самоуничтожения. И вообще я не считаю, что кто-то вправе судить, обвинять целое поколение.

Кстати, среди стилия, которых так осуждали в шестидесятые годы, было немало высокообразованных, одаренных лич-

ностей. К сожалению, периферия (где тогда жил и я) воспринимала и перенимала в первую очередь какие-то внешние приметы — «коки», пиджаки, галстуки. Уже позже, познакомившись с некоторыми бывшими «стилягами», я узнал, насколько это глубокие и интересные люди. Например, саксофонист Алексей Козлов. Вспомните — за что их арестовывали? За связь с иностранцами. Но ведь не «зеленые» их тогда интересовали. Они хотели знать больше, чем сообщали официальные источники информации, они хотели видеть, слышать и читать то, что было доступно всему миру, кроме нас.

— Продолжая разговор о молодежи, что вы можете сказать о нашей молодежи, тоже нередкой ругаемой? В отличие от «шестидесятников», они отнюдь не романтичны — рационалистичны, прагматичны.

— Время сейчас такое. Мой сын учится в театральном институте, заканчивает его. Многие его сокурсники подрабатывают по ночам сторожами или кем-то еще. Мы же по ночам репетировали, пытались создать новый театр. Для нас это была главная проблема. Сейчас и театр можно создать, и в нем делать все, что захочешь. Так что все зависит от того, что в ребятах победит, — то, что они делают днем или чем подрабатывают в свободное от занятий и репетиций время.

— А если говорить не о творческой молодежи, а о той, что всерьез занимается бизнесом и уже не имеет ни сил, ни времени, чтобы ходить в театры? Не боитесь ли вы, что, когда уйдут из жизни старые театралы, у вас не останется зрителей?

— Ну, во-первых, Театр Маяковского относится к тем, где зал практически почти всегда полон, а на некоторые спектакли трудно достать билеты. Во-вторых, хотя интерес к театру на какое-то время пропал, уверяю, начался возврат зрителей в залы. Театр не может умереть — это слишком живое дело. И бизнесмены, даже если они зароятся по макушку в золото, когда-нибудь поймут, что

не деньгами одними жив человек. Могу сказать, что сегодня идет смычка бизнеса и культуры. Хотя, возможно, не каждый театр имеет право на существование. Но это решаю, естественно, не я, а зритель.

— Во время недавней нашей встречи в Доме кино вы сказали, что судьба к вам благожелательна, и съемок, спектаклей столько, что считаешь каждую минуту «украденного» на бытовые дела времени. Однако наши зрители, к сожалению, не видят в последнее время отечественные фильмы. Кинопрокат предпочитает третьесортную продукцию США. Назовите хотя бы картины, в которых вы снимались в последнее время.

— Опять же скажу, что не всегда фильмы, где я снимался, являются первосортными. Из премьер прошлого года — «На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-Бич опять идут дожди», «Черный квадрат», «Тринадцатый», «Не будите спящую собаку», «Рогоносец» и другие. В театре сыграл в «Горбуне» Мрожека. Поставил со студентами 4-го курса ГИТИСа (мастерская профессора Судаковой) «Двое на качелях» Гибсона.

— Однако не одним театром и кино жив человек. Какие у вас творческие планы?

— Поездка в Италию, Испанию, на Шейшельские острова. Фантастика!

— А насколько фантастическим вам видется наше будущее?

— Не фантастическим, а реальным. Главное, как мне кажется, перестать завидовать тем, кто живет лучше. И у нас, и «за бугром». Был я недавно на съемках в Швейцарии — играл в фильме Всеволода Шилового «крутого мэна», развозившего деньги КПСС. Швейцария стоит не только на озерах, но и на золоте. Там трюаury шампунем моют. А потом возвращаешься в Москву... Но ведь не швейцарцы нам все это устроили, мы сами. Так что теперь завидовать, как они там хорошо живут?

Беседу вела
Л. ФОМИНА.